

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ДОГОВО ПРОКЛЯТЫХ

Сергей Зверев

СМЕРШ – спецназ Сталина

Сергей Зверев

Логово проклятых

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Логово проклятых / С. И. Зверев — «Эксмо», 2018 — (СМЕРШ
— спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-095718-7

Послевоенная Украина. Во Львовской области разведка СМЕРШ установила место, где скрывается руководитель УПА Роман Шухевич. Принято решение взять фашистского прихвостня живым. Для этого на место срочно направлена группа полковника Михаила Боровича. Кажется, загнанному в угол преступнику не избежать справедливого возмездия. Но в последний момент оперативный план неожиданно оказывается под угрозой срыва. Что это – серьезный просчет при подготовке, роковая случайность или чья-то провокация? Ответ на этот вопрос знает только один человек – сам Борович, человек с непростым и загадочным прошлым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095718-7

© Зверев С. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Иванович Зверев

Логово проклятых

© Зверев С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

4 марта 1950 года начальник отдела «ДР» – диверсионная работа против военных баз США и НАТО, расположенных в Европе, генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов сидел за рабочим столом кабинета на Лубянке.

Он в третий раз перечитал текст шифровки, только что полученной из Киева, не глядя снял трубку телефона и приказал:

– Боровича ко мне! Срочно!

Стрелки на циферблате больших напольных часов показывали двадцать три, поздний вечер, практически ночь. За белыми гардинами на окнах, собранными шнуром в изящные складки, сияла огнями вечерняя Москва. Весной пока еще и не пахло, на улице держался мороз. Да и в кабинете было прохладно. Павлу Анатольевичу хотелось сжать ладонями стакан горячего чая и поразмышлять о жизни, согревая руки. А может, и не чая.

Дверь кабинета открылась. Тихо ступая по ковровой дорожке, к столу подошел полковник Борович.

– Товарищ генерал!.. – привычно попытался доложить о своем прибытии сотрудник отдела, но Судоплатов не дал ему договорить, передвинул по поверхности стола листок с шифровкой и заявил:

– На вот, взгляни!

Полковник посмотрел на начальника, извлек из кармана пиджака очки. Генерал молча ждал, сосредоточенно глядя в лицо своего сотрудника.

В шифровке сообщалось, что вчера, 3 марта, была опознана и арестована пособница националистического подполья гражданка Дарья Гусяк, находящаяся в розыске. Она была известна компетентным органам под псевдонимами Дарка и Нуся. У сотрудников спецслужб имелись сведения о том, что Гусяк в последнее время являлась связной лидера Украинской повстанческой армии Романа Шухевича. Он, разумеется, тоже разыскивался органами госбезопасности и находился в глубоком подполье.

Агент Роза прекрасно провела оперативное мероприятие, смогла установить место нахождения Романа Шухевича. На сегодняшний день он скрывался в помещении кооперативной лавки в селе Билогорща под Львовом.

– Ну вот и все, – тихо сказал полковник, опустил руку с листом бумаги и снял очки. – Сколько веревочке ни виться, а конец все равно будет.

– Конец? – с неожиданной злостью переспросил Судоплатов. – Дроздов выуживал его с полгода, у нас сорвалось несколько операций, а Шухевич каждый раз уходил. Ты знаешь, что будет дальше? Как станут развиваться события?

– Если поступать умно и дальновидно, то Шухевича необходимо вести и дальше, отслеживать связи, выявить верхушку подпольной организации. Не исключено, что он успел снова создать ее. Нужно выявить контакты Шухевича с западными разведками.

– Все правильно, – сказал генерал и утвердительно кивнул. – Я не особо беспокоился бы, если бы это дело проходило по линии нашего отдела. Сейчас я попытаюсь хотя бы как-то косвенно притянуть его к нам в рамках диверсионной деятельности, но не уверен, что это получится.

– У вас есть какое-то решение, Павел Анатольевич?

– Да, думаю, что решение есть. Оно единственное, другого не дано, – сказал Судоплатов, поднялся на ноги и подошел вплотную к полковнику. – Эта информация по Шухевичу ляжет на стол Абакумова этой же ночью. Он соберет совещание. Я на нем обязательно буду присутствовать. Если мне и не удастся отстоять свою точку зрения, то я хотя бы смогу выиграть немного времени для тебя.

– Ясно, мне вылетать в Киев?

– Лучше сразу во Львов. Я предупрежу генерала Дроздова. Тебя встретят и с ходу введут в игру. Твоя задача – втянуть Шухевича в разработку. Решать придется на месте, самостоятельно. Советоваться и тем более получать разрешения тебе будет неоткуда. Это не наш с тобой объект, и ты будешь работать там по легенде. Я тебе ее подготовлю. Ты будешь находиться в командировке по другим делам. Шухевич – побочный фактор. Ты включился в это дело лишь потому, что он тебя знает лично.

– Насколько я могу доверять генералу Дроздову? Он все же заместитель министра госбезопасности Украины и напрямую отвечает за работу с националистами.

Судоплатов опустил голову и поиграл желваками на скулах. Сложно ответить на такой вот вопрос подчиненного. Особенно если ты и сам порой не представляешь, кому из друзей, коллег, руководителей можно в тот или иной момент доверять полностью, безоглядно, как самому себе. Черт, да хотя бы чисто по-человечески. Кто из них в трудный момент, когда непредсказуемый меч репрессий обрушится на тебя, подаст руку, встанет рядом, скажет хоть слово в защиту?

Павел Анатольевич слишком хорошо помнил, как в тридцать восьмом году, после ареста Шпигельгласа и Пассова, он был назначен исполняющим обязанности начальника иностранного отдела. Но на этом посту он пробыл всего три недели. Все случилось так, как Судоплатов и предполагал, произошло то, чего он опасался, старался избежать, но не смог. Павел Анатольевич тогда был понижен в должности до заместителя начальника испанского отдела. Его место занял Деканозов. А потом, в декабре, Судоплатов вылетел из партии за связь с врагами народа, то есть Шпигельгласом и другими бывшими разведчиками, угодившими под арест.

Тогда в недрах НКВД все же нашлись люди, которые считали Судоплатова невиновным, а для работы наркомата – просто незаменимым. Партийное собрание, которое должно было утвердить решение об исключении из рядов коммунистов Павла Анатольевича Судоплатова, каким-то чудом так и не состоялось.

А уже в марте 1939 года Павел Анатольевич был неожиданно вызван к Сталину. Великий вождь на коротком совещании поручил ему возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого. В тот же день Судоплатов был назначен заместителем начальника разведки.

– Доверять коллегам нужно, – ровным голосом сказал генерал. – Но требуется еще и учитывать структуру подчиненности, сложившуюся в нашей организации. Всегда наступает момент, когда интересы коллег расходятся в соответствии с мнением руководителя каждого из них.

– Туманно, но я понял, – сказал полковник и едва заметно улыбнулся.

– Да не могу я большего сказать, Михаил Арсеньевич, – заявил Судоплатов и поморщился. – Вовсе не потому, что не хочу. Я сам не знаю, как сложатся обстоятельства, когда информация ляжет на стол Абакумову. Сейчас все зависит от того, как скоро ты сможешь оказаться на месте и что успеешь там сделать. Найди логичные доказательства тому, что Шухевича можно будет пока не брать, продолжать держать под плотным контролем, до конца разрабатывать подполье. А потом одним ударом уничтожить все. Без остатка.

Часы в углу кабинета отмеряли час за часом, а министр госбезопасности все не вызывал к себе Судоплатова. Павел Анатольевич точно знал, что Абакумов пока не беспокоил и других руководителей важных отделов и направлений.

По расчетам Судоплатова выходило, что самолет уже сел во Львове. За несколько часов полковник Борович успеет собрать информацию, изучить ситуацию, сложившуюся вокруг Шухевича, и подготовить аргументированное мнение для своего начальника.

Ночь заканчивалась. Через час или полтора забрезжит холодный мартовский рассвет. Можно будет поднять шторы на окнах, открыть форточку, вдохнуть свежего воздуха, пока еще не очень-то весеннего.

Телефон на столе разразился раздражающим трезвоном в половине седьмого утра. Генерал Судоплатов посмотрел на этот проклятый аппарат, тут же застегнул верхнюю пуговицу и крючок на воротнике форменного кителя. Он знал, что этот звонок означает.

Виктор Семенович Абакумов, с полными бледными щеками и темными кругами под глазами от бессонных ночей, сидел, нахохлившись, за столом для совещаний и теребил в руках карандаш. Последние мирные годы были для генерала Абакумова ничуть не менее тяжелыми, чем военные. Судоплатов хорошо знал, что Абакумов входил в состав комиссии по проведению открытых судебных процессов по особо важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на территории Советского Союза. С 1946 года он член секретной комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) по судебным делам. Судоплатов знал, что именно генерал Абакумов фабриковал дела на наркома авиационной промышленности Шахурина, командующего ВВС Новикова, главного инженера ВВС Репина.

– Я требую, чтобы в отношении арестованных, которые упорно отказываются давать признательные показания, ведут себя провокационно, всякими способами стараются затянуть следствие либо сбить его с правильного пути, применялись самые строгие меры. Режим содержания под стражей должен быть максимально жестким. Надо до минимума сократить часы сна, ухудшить содержание арестованного в смысле питания и других бытовых нужд. Помещение в одиночную камеру. Лишать прогулок, продуктовых передач и права чтения книг. Водворять в карцер сроком до двадцати суток.

Судоплатов подумал, что для министра госбезопасности Абакумов слишком хорошо разбирается в тонкостях содержания арестованных в местах заключения. Увлечен чисткой? Да, этот процесс затягивает, как наркотик.

Павел Анатольевич осторожно посмотрел на часы.

«Борович уже должен был включиться в работу во Львове, – подумал он. – Хорошо, что министр тянет резину. Пока он отдаст приказ, да тот дойдет до Киева. Хотя это случится быстро. На Украине тоже нет дураков, готовых подставиться».

– В отношении шпионов, диверсантов, террористов и других активных врагов советского народа, изобличенных следствием, которые нагло отказываются выдать своих сообщников и не дают показаний о своей преступной деятельности, органы МГБ, в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) от десятого января тысяча девятьсот тридцать девятого года, могут применять меры физического воздействия. Прошу не забывать об этом! – заявил Абакумов.

Офицеры, сидевшие за столом для совещаний, дружно зашуршали бумагой, заскрипели карандашами и перьевыми ручками. Даже те люди, которых это напрямую не касалось, торопились сделать вид, что заносят мнение начальства себе для памяти.

Только теперь Абакумов поднял глаза, внимательно посмотрел на подчиненных и проговорил:

– И еще одно. Наши товарищи на Украине завершают борьбу с изуверами и убийцами собственного народа. Они только что сообщили мне, что обнаружили лидера Украинской повстанческой армии Романа Шухевича. Место, где он укрывался, установлено точно, сейчас там проводится операция по его захвату. На этом мы поставим точку. – Рука министра припечтала карандаш к столу.

Его строгий взгляд не сулил ничего хорошего тому недоумку, который попытался бы возразить или просто иметь иную точку зрения.

«Вот и все, – подумал Судоплатов. – Только бы Борович успел. Поднимать вопрос здесь – самоубийство. Дроздов буквально выполнит приказ, полученный из министерства».

Солнце поднялось над крышами хат. Туман стал уползать в овраг, заблестела вода в глубокой подсыхающей колее на улице села Билогорща.

Операцией командовал сам генерал Дроздов. Он сдвинул на затылок фуражку, устроился за бронемашинной, поднес ко рту большой помятый рупор и попытался вызвать Шухевича на разговор.

В это время солдаты короткими перебежками занимали позиции вокруг дома. Шухевич и те люди, которые находились сейчас в кооперативной лавке, были блокированы надежно.

Борович посмотрел на Дроздова, получил одобрителный кивок из-под бревен, сложенных в штабель, стал переползать в сторону колодца. Оттуда до укрытия Шухевича оставалось всего метров двадцать. Можно было попытаться поговорить.

Сотрудник МГБ Украины майор Ревенко повсюду следовал за московским полковником. Дроздов приказал майору все время быть рядом с Боровичем и охранять его. Если из переговоров ничего не получится, то именно Ревенко возглавит атаку и захват.

– Останьтесь здесь, – повернувшись к нему, прошептал Борович. – Одной гранатой обоих уложат.

– Не могу, товарищ полковник, – сказал майор и упрямо мотнул головой. – У меня приказ.

Борович махнул рукой. Безднадежно. Ладно, каждый сам отвечает за себя, особенно перед своим начальством.

Он прикинул расстояние до колодца и попросил Ревенко передать своим солдатам, находившимся с противоположной стороны дома, чтобы пошумели немного, отвлекли людей, засевших в лавке. Через минуту кто-то из этих бойцов завел мотоцикл, смело пронесся на нем мимо окон торгового заведения и скрылся за соседним домом.

Когда мотоцикл исчез, полковник уже преодолел одним длинным кувырком расстояние до колодца. Теперь он сидел у колодезного сруба, прижавшись спиной к старым бревнам.

– Шухевич! – закричал полковник в сторону окон дома, выглянув из-за колодца. – Роман Иосифович! Отзовись!

– Кто меня зовет? – послышался в ответ сиплый, какой-то чуть надтреснутый голос. – Я тебя знаю?

– Знаешь, Роман Иосифович. Это Борович!

– Ах ты!.. – Голос Шухевича захлебнулся возмущением. – Живой еще, пададь! В Москве своей прятался, жировал на костях тех героев, которые смерть приняли из-за твоего предательства.

– Перестань, Роман! – заявил полковник. – Какой смысл сейчас на публику работать, гореть праведным гневом? Ты ведь очень хорошо знаешь, что я никогда никого не предавал, всегда был сотрудником НКВД и честно выполнял свой долг. Давай поговорим, Роман. Спокойно и без нервов.

– Конечно, именно так мы прямо сейчас и сделаем, – сказал Шухевич и хрипло засмеялся. – У тебя за спиной свора псов с автоматами, вот ты и можешь без нервов.

– Не пытайся втянуть меня в свою игру, – крикнул Борович. – Не надейся, я не пойду к тебе безоружным. Незачем давать тебе в руки заложника в чине полковника. Ты расслышал мое звание? Я не зря его назвал, не для красного словца и не для того, чтобы похвастаться. Я здесь и сейчас имею право принимать решения, мне доверяет Москва.

– Что ты хочешь?

– Я хочу, чтобы ты подумал, Роман Иосифович, о том, что дело ваше гиблое. Вас ваш же народ проклял. Вы не тем путем шли, ребята, залили кровью свою землю, а теперь надеетесь, что за вами пойдут, что Украина поднимется, возьмется за вилы и топоры и сбросит советскую власть. Никто за вами не пойдет. Ты и сам это уже давно понял. У тебя есть шанс облегчить

свою участь. Я не говорю, что тебе не придется отвечать перед народом, но ты сделаешь большую скидку себе, если поможешь нам сейчас. С твоей помощью мы разгромим ваше осиное гнездо, остановим вражду, очистим землю от убийц и бандитов. Ты же знаешь, Роман Иосифович, что за вами остались уже не идейные люди, а просто любители убивать, грабить и насиловать. Нет с вами настоящих патриотов. Да и идеи самой у вас не осталось.

– У меня осталась возможность дорого продать свою жизнь!

– Неужели? – Борович усмехнулся. – Да ты ведь и так продавал ее все последние годы. Сперва немцам, теперь американцам и НАТО. Хватит, Шухевич! Твоя жизнь никому не нужна. Если ты хочешь помочь нам, искупить хоть частично свою вину, то выходи без оружия. Никто не узнает, что ты сдался. Это я тебе гарантирую. Дарка у нас, но она не проговорится. Подумай, Роман Иосифович. Даю тебе пятнадцать минут на размышление, – проговорил полковник, откашлялся, снова опустился на землю и прижался спиной к бревнам колодезного сруба.

«Горло сорвал, пока кричал ему. Ладно, это нестрашно. Был бы толк», – рассудил он.

Тут полковник увидел, что к Ревенко перебежками, а где и ползком подобрался сержант Полищук и что-то стал горячо объяснять ему. Майор приподнялся и посмотрел назад, на Дроздова. Генерал махал ему рукой и показывал на часы.

– Извините, товарищ полковник, – сказал Ревенко, развел руками и поднял с земли свой автомат. – Приказ пришел из Москвы. Мы обязаны срочно форсировать операцию и доложить о выполнении.

– Нет! – почти закричал Борович и попытался встать на ноги, но шквал пуль тут же пронесся над его головой.

Деревянный колодезный сруб задрожал от их ударов.

Сразу закричали люди, стали раздаваться команды, треск десятков автоматов оглушил полковника. В его голове мелькнула не самая приятная мысль о том, что Шухевич сообразит, как ему выпутываться из беды. Он сейчас будет пробиваться из окружения именно здесь, где лежал Борович. Один бросок, и у него в руках важный заложник.

Наверное, точно так же подумал и Шухевич. Он одну за другой выбросил из окна две гранаты.

Бравада Ревенко стоила ему жизни. Майор решил, что националисты, блокированные в здании, будут до последнего отстреливаться. Здесь, в селе, переполненном солдатами и офицерами МГБ, им деваться все равно некуда. Гранаты разорвались почти у его ног.

Борович сбросил фуражку и осторожно высунулся из-за сруба. Ревенко уже лежал на земле, неловко вытянув руку вдоль тела. Через оседавшую пыль и клубы дыма от окна к колодцу бежал Шухевич. Идея его была вполне понятна. Он под прикрытием разрывов собирался проскочить открытое пространство и добраться до ненавистного Боровича. А там или он будет шантажировать командующего операцией офицера МГБ, или попытается вообще проскочить за пределы кольца.

«Вот тут-то я тебя и возьму, – подумал Борович и решительно отложил автомат в сторону. – Бросок навстречу, под ствол шмайсера, удар по ногам. Шухевич неизбежно упадет, потому что набрал приличную скорость бега».

За пылью и дымом он почти ничего не видел, напрягся, готов был броситься вперед. Но тут совсем рядом коротко прострекотал ППШ. Человек, бежавший в сторону колодца, как будто споткнулся и нелепо повалился на бок.

Борович застонал, что есть силы ударил кулаком по старому бревну, ободрал кожу на руке.

«Да как же так! Ведь во всей череде нелепостей этого утра мне удавалось держать ситуацию под контролем. Я почти уговорил Шухевича подумать. Тут и ударила эта глупая автоматная очередь. Все! Мне нечего докладывать Павлу Анатольевичу. У меня нет никакой возможности оправдаться. Нет ничего хуже необратимых поступков и последствий».

Михаил Арсеньевич опустился на колени и посмотрел на безжизненное тело. Шухевич был мертв. Однозначно! Две или три пули в грудь, еще одна в голову, в район виска.

В доме взорвалась граната, а потом стрельба резко прекратилась. Кто-то крикнул, что еще один бандит в доме подорвал себя. Кто-то требовал носилки, потому что женщина могла быть еще живой.

«Ясно. Ничего, кроме трупов. Блестящая операция, товарищ полковник!»

– Эх, Ревенко! – послышался рядом голос генерала Дроздова. – Боевой был парень. Он у меня шесть лет работает... работал. Черту в зубы заглядывал. Нелепо как.

Борович поднялся на ноги, подобрал свою фуражку, отряхнул ее от сухой травы и подсохшей грязи, потом натянул на голову и спросил:

– Кто у вас такой меткий, Виктор Александрович?

– Полищук! – зычно позвал генерал, не поворачивая головы.

Он морщился и смотрел, как солдаты уносят тело Ревенко.

К нему подбежал тот самый сержант, который совсем недавно передавал приказ майору от Дроздова. Парень явно не знал, улыбаться ему и ждать похвалы или все же в соответствии с уставом сдерживать эмоции.

Борович посмотрел на бойца, потом подошел к нему и взял пальцами за пуговицу на кармане его гимнастерки.

– Слушай, сынок. Ты чекист, не просто солдат, который обучен хорошо стрелять. Тебе прежде всего надо думать головой. Солдат обязан убить врага в бою, а чекисту делать это нельзя. Каждый противник, взятый живым, приносит больше пользы, дает информацию. Это целая цепочка, которая ведет к другим врагам, в самое их логово. Нельзя нам убивать! Понимаешь?

– Так точно, товарищ полковник! – с готовностью ответил сержант.

– Боюсь, что не до конца ты понял, – сказал Борович и покачал головой. – Ты вот нажал сейчас на курок и убил этого человека. А через него живого мы многое узнали бы, обезвредили бы множество бандитов, которые готовы и дальше стрелять по нам из-за угла. Мы спасли бы множество человеческих жизней. А ты его убил. Считай, что не только его кровь пролил. Задумайся об этом на досуге.

– Что вы мне парня стыдите? – попытался пошутить Дроздов. – Молодец, Полищук! Будет тебе премия. Особо в приказе отмечу.

– Дело ваше, – сказал Борович, устало кивнул и пошел в дом смотреть, сколько человек было с Шухевичем и кто именно.

«Операция вышла из-под контроля. Да и не мое дело устраивать опознания, составлять протоколы и описания. Этим займется местное министерство. Моя забота – срочная оперативная информация. Судоплатов мне этого не простит».

Борович покачал головой, переступил порог внутреннего помещения и поглядел на трупы.

2 декабря 1938 года Всеволод Николаевич Меркулов созвал начальников отделов на внеочередное совещание. Многие его подчиненные, да и опытные сотрудники других отделов знали эту манеру работы Меркулова и не одобряли ее. Сказывалось и то, что, будучи начальником третьего отдела, он по поручению Берии выполнял обязанности первого заместителя наркома. Слишком много спонтанных метаний, нервного дерганья своих сотрудников. Мало анализа, выводов из поступающей информации. Некоторые руководители отделов заметили эту слабость начальника и стали использовать ее в собственных целях.

Начальник пятого отдела, занимавшегося закордонной разведкой, Павел Анатольевич Судоплатов всегда имел заготовки к таким вот спонтанным совещаниям. В зависимости от

вопросов, поднимаемых на них, он аккуратно подбрасывал Меркулову информацию, ее анализ и варианты готовых решений.

Сегодня Меркулов начал совещание с пространных рассуждений о том, что германский фашизм является угрозой для всей Европы. Но этот зверь, который разжирел при попустительстве международного империализма после Первой мировой войны, имеет далеко идущие цели. Задача органов государственной безопасности состоит в том, чтобы держать руку на пульсе, вовремя пресекать, реагировать, достойно отвечать и упреждать.

Капитан госбезопасности Судоплатов первым кашлянул в кулак, привлекая внимание начальника, изобразил готовность к незамедлительным действиям.

– Вы что-то хотите добавить? – осведомился Меркулов, задрав массивный подбородок.

– Если позволите, – сказал Судоплатов и достал из черной папки несколько листов бумаги, исписанных убористым почерком, с какими-то схемами, стрелками и даже кроками европейских границ. – По нашим сведениям, еще до падения Варшавы на специальном совещании Гитлер как раз обсуждал вопросы в отношении Польши и этнического украинского населения этой страны.

– Да, информация такого рода действительно поступала к нам в управление, – проговорил Меркулов и одобряюще кивнул. – Продолжайте, товарищ Судоплатов.

– Мы анализировали разрозненные материалы этого совещания и нашли конкретные рекомендации Гитлера. Они касаются необходимости создания буферного государства, как он сам выразился, между Азией и Западом, абсолютно лояльного Третьему рейху. Он считает возможным его появление на территории Галиции, Волыни и Литвы, включая Виленский край.

– Безусловно, Гитлер хороший стратег, – заявил Меркулов. – Но не все его тезисы находят продолжение в конкретных шагах Германии на европейской политической арене. Иногда фюреру хочется шагнуть очень широко, но штаны не пускают.

За столом прошелестел тихий дружный смешок.

Судоплатов сдержанно улыбнулся изящной шутке начальства, демонстративно отложил в сторону бумаги, оставил в руках один лист.

– Я согласен с вами, – сказал он. – Но в данном случае реплики Гитлера на том совещании нашли самое прямое продолжение в перечне политических указаний рейхсминистра иностранных дел Германии Риббентропа. А начальник Верховного главного командования вермахта Кейтель поставил задачу Канарису. Цитирую дословно: «... организовать восстание при помощи украинских организаций, работающих с вами и имеющих те же цели, а именно уничтожение поляков и евреев». В данном случае Кейтель имел в виду Организацию украинских националистов.

– У вас есть аргументы, позволяющие доказать это? – осведомился Меркулов.

– Так точно! Результатом этих указаний стал так называемый меморандум Канариса. На сегодняшний день по сведениям, полученным сотрудниками моего отдела, не менее четырехсот украинских националистов начали обучение в лагерях абвера, расположенных в Закопане, Комарне, Кирхендорфе и Гакештейне. Рассуждения Гитлера, озвученные на том совещании, реализуются, и весьма активно.

– Так, хорошо. – Меркулов кивнул и стал смотреть в окно, о чем-то напряженно размышляя. – Я попрошу вас подготовить к завтрашнему утру служебную записку с подробным изложением ваших мыслей. А самое главное – ваши предложения по этой теме. А теперь давайте продолжим наше совещание.

Дальше поднимались другие вопросы. Судоплатов слушал и ждал. Пришло время реализовать его последнюю идею, с которой он прежде даже не пытался соваться к руководству наркомата. Но теперь, кажется, наверху наконец-то созрели, поняли всю важность этой проблемы.

Когда совещание было закончено, Меркулов вполголоса, самым обыденным тоном проговорил:

– Задержитесь, Павел Анатольевич.

– Слушаю вас. – Судоплатов пристально посмотрел в лицо начальника, пытаясь угадать, о чем пойдет речь.

– Да садитесь вы, – сказал Меркулов, махнул рукой и устроился напротив Судоплатова. – Вы сотрудник молодой, Павел Анатольевич, но мне нравится, как вы работаете. Да и не только мне. Есть товарищи в нашем ведомстве, которые относятся к вам с большой симпатией и профессиональным уважением. Вы ведь понимаете, что отстранение вас от работы в декабре и эта история с попыткой исключить вас из партии могли закончиться для вас очень печально. Но на вашу защиту встали старшие товарищи. Негласно, без лозунгов и бравадных речей, но они вам помогли.

– Да, я помню, – спокойно отозвался Судоплатов.

– Хорошо, не забывайте этого. Мне все кажется, что вы как-то не очень осторожно ведете себя, Павел Анатольевич. Не в плане высказываний или там знакомств каких-то. Нет, у вас все операции, вся работа вашего отдела строится на каких-то рискованных действиях. Вы зачастую и информацией пользуетесь такой, которую еще не довели до сведения ваших руководителей, вроде как и не спешите поделиться ею с ними.

– Наверное, это просто видимость, – сказал Судоплатов и пожал плечами. – Вот и сегодня, как только я получил информацию от своих источников, осмыслил ее, так сразу и вынес на совещание, посоветоваться с вами хотел.

– Вот и правильно, что вы пришли ко мне с этим, – сказал Меркулов. – Да и вовремя. Ведь ситуация на сегодняшний день на Украине складывается далеко не самая простая. Краковское отделение ОУН, которое возглавляет Степан Бандера, направило во Львов курьера. Мы его перехватили случайно. Нам просто повезло. В результате мы смогли взять несколько местных руководителей ОУН.

– С чем шел курьер?

– В том-то и дело, Павел Анатольевич, что курьер шел с указаниями Бандеры о подготовке к вооруженному антисоветскому выступлению.

– Я так понял, что Бандера не стал согласовывать свои действия с Центральным проводом ОУН, не так ли? Вот это нам на руку. Я уже давно стал понимать, что Бандера и Мельник не ладят между собой. Этот курьер и указания Бандеры – лишнее подтверждение тому. Нам нужно воспользоваться такой ситуацией.

Судоплатову, который прекрасно знал о захваченном курьере и аресте нескольких главварей ОУН, пришлось делать лицо, соответствующее ситуации. Он чувствовал, что его идея наконец-то может претвориться в жизнь и руководство санкционирует операцию. Теперь все зависело от того, сумеет ли Павел Анатольевич убедить Меркулова в своей правоте, заинтересует ли тот его соображениями или, наоборот, не оценит их и махнет на все рукой.

– Нам нужен свой человек в окружении Бандеры, – заявил Судоплатов. – Не просто агент, который добывал бы информацию.

– А что вы предполагаете еще?

– Этот человек должен найти способ влиять на Бандеру, в то же время не входить в состав руководства УПА, ОУН и Центрального провода.

– Но проще было бы попытаться влиять на самого Мельника, который возглавляет Центральный провод ОУН. Оттуда идут все указания, там разрабатываются планы, тактика и стратегия.

– К Мельнику человека внедрить будет сложно, – сказал Судоплатов. – Там работают только проверенные люди, старые сподвижники. У Бандеры куда более богатая и пестрая биография. Нам проще подставить своего человека именно ему. Он почти в открытую враждует с Мельником. Я знаю, что у них очень большие разногласия. Моя идея состоит в том, Всеволод Николаевич, чтобы подставить Бандере человека, который якобы вышел из окружения Мель-

ника. Сам тот факт, что этот персонаж пришел к нему, уже должен расположить его к нашему агенту. А если мы через него еще и сдадим Бандере информацию по подполью на территории Советской Украины, которой владел только Мельник? Это будет хорошим доказательством и лучшей рекомендацией. Общая цель – с помощью нашего человека начать процесс разобращения националистического движения, культивирование недоверия и вражды, борьбы за власть. Когда этот процесс начнется, мы можем попробовать устранить одного из руководителей националистического движения. Я пока не знаю, кого лучше будет убрать, Мельника или Бандеру. Но мы сумеем свалить всю вину на того из них, который останется в живых. Тогда всеобщее недоверие в рядах украинского националистического движения возрастет в несколько раз. Не зря древние римляне говорили: «Разделяй и властвуй». Так мы и будем делать.

– Но не будет ли подозрительным, что именно в такой важный момент к Бандере явится человек и заявит, что ушел от Мельника, рассорившись с ним по идейным соображениям?

– Мы поступим хитрее, – сказал Судоплатов и покачал головой. – К Бандере нашего агента приведет человек, которому тот верит.

– Ну что ж, пожалуй, вы правы. Такая комбинация может сработать. Но вы понимаете, что ваш человек должен обладать многими качествами, знать военное дело, быть образованным.

Судоплатов оценил, что Меркулов произнес не «наш человек», а «ваш человек». Значит, он отдавал право подбора кандидатуры отделу закордонной разведки. Правда, львиную долю ответственности тоже возлагал на руководителя пятого отдела Судоплатова.

– Такой человек у меня есть. Бывший поручик царской армии. В начале Первой мировой был вольноопределяющимся в пехотной части. Первую свою награду принимал из рук Брусилова. В ЧК с двадцать первого года. За это время проявил себя как истинный и горячий борец за дело революции, стойкий и непреклонный чекист.

Судоплатов специально уделил столько внимания заслугам своего сотрудника в царское время. Всеволод Николаевич Меркулов сам был в прошлом капитаном русской армии, потомственным дворянином. Мать Меркулова, урожденная Цинамдзгвришвили, происходила из грузинского княжеского рода.

Судоплатов, не ошибся. Характеристика, данная им своему сотруднику, в глазах Меркулова выглядела вполне убедительной.

Глава 2

16 марта 1939 года в старом чешском банке, расположенном в городке Хуст, было шумно. По всему зданию бегали люди в форме. Одни тащили ящики с патронами, другие набивали документами брезентовые мешки и выбрасывали их в окно. Штаб «Карпатской сечи» эвакуировался в авральном режиме.

Роман Шухевич заперся в своем кабинете. Он делал вид, что жжет штабные секретные документы, но по большей части выбирал то, что намеревался сохранить и увезти с собой. Это были бумаги, подтверждавшие связь многих лидеров Карпатской Украины и старших командиров сечи с разведками и политическими кругами Германии, Венгрии, Польши. В случае необходимости Шухевич мог обнародовать эти документы, дискредитировать многих важных персон и даже более того – спасти свою жизнь, выкупить ее, получить покровительство.

После раздела Чехословакии в результате так называемого Мюнхенского сговора в 1938 году объявило о своей независимости маленькое самопровозглашенное государство – Карпатская Украина. Это произошло сутки назад, 15 марта 1939 года. На ее территории действовала так называемая Организация народной обороны «Карпатская сечь». Кроме местных жителей, во вновь создаваемую армию пришло много выходцев из Галиции: Зенон Коссак, Евгений Врецьона. Да и он сам, Роман Шухевич, занявший пост начальника штаба «Карпатской сечи».

Но это государство и его, извините, армия просуществовали недолго, всего-навсего один день.

Одним из первых политических шагов лидера Карпатской Украины Августина Волошина стала телеграмма Адольфу Гитлеру:

«От имени правительства Карпатской Украины прошу Вас принять к сведению провозглашение нашей самостоятельности под охраной Немецкого Рейха.

Премьер-министр доктор Волошин. Хуст».

Ситуация в Европе была сложной. Шел беспардонный передел границ. Германия, Англия и Франция играли в свои взрослые игры. Они покупали и продавали союзников, скрывали или, наоборот, демонстрировали свой интерес в тех или иных сферах влияния, пытались наложить руку на стратегические ресурсы или хотя бы заручиться обещаниями по их использованию.

Разумеется, ответа на эту телеграмму не последовало, потому что никто из европейских политиков всерьез Карпатскую Украину и ее лидеров не воспринимал. Эти персонажи со своими мелкими амбициями и смешной независимостью просто никому не были нужны. Игра шла по-крупному. В разряд разменной монеты попали куда более серьезные и крупные страны.

После повторного обращения Волошина к немцам реакция все же последовала. Но была она удивительной и неожиданной для руководства Карпатской Украины. Германский консул в Хусте, изображая голосом чуть ли не отеческую заботу, посоветовал правителям этого недогосударства быть реалистами и не оказывать сопротивления возможному венгерскому вторжению. Он намекнул, что немецкое правительство в данной ситуации, к сожалению, не может взять Карпатскую Украину под свой протекторат.

Буквально на следующий день последовало предложение Будапешта руководству Карпатской Украины разоружить свои вооруженные формирования и мирно войти в состав Венгрии. В ответ Волошин, пытаясь не терять самообладания, заявил, что Карпатская Украина хочет жить в мире с соседями, но в случае необходимости даст достойный отпор любому агрессору.

На момент вторжения венгерской армии силы «Карпатской сечи» насчитывали уже почти около двух тысяч бойцов, рассредоточенных в пяти гарнизонах. Но оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления эти наскоро собранные и плохо обученные герои «Карпатской сечи» были не в состоянии. Бои немедленно показали, что шансов у них не было и быть не могло. Противник, как стало понятно Шухевичу, располагал всеми необходимыми сведениями о дис-

локации и вооружении частей, состоянии дорог, средствах связи. В первые же часы «Карпатская сечь» понесла тяжелые потери.

Роман Шухевич быстро сделал для себя вывод. Он решил, что это вовсе не тот алтарь, на который стоит класть свой живот. Следует поискать куда более серьезного покупателя и покровителя, вместе с которым можно реализовать свои амбиции и занять в этом мире достойное положение.

«Немцам не нужна Карпатская Украина? Ничего, зато им скоро пригожусь я, сам Роман Шухевич. Да и Украина им понадобится, – полагал он. – Только другая».

Кто-то с силой ударил в дверь начальника штаба и крикнул:

– Шука, уходят последние машины!

– Идите, я догоню, – ответил Шухевич.

Шука – таков был его псевдоним. Так сложилось. В их движении было принято иметь таковые.

Он рассовал пакеты по карманам и за пазуху, подошел к двери, прислушался и провернул ключ в замке. Шухевич приоткрыл дверь так, чтобы из коридора был виден распотрошенный сейф, и прошел во вторую комнату, окно которой выходило во внутренний двор. Через пару минут он был уже на земле и в щель глухого ограждения стал смотреть, как за ворота выезжала последняя машина с сотрудниками штаба.

Все, в гарнизоне больше никого не было. Это чувствовалось даже на эмоциональном уровне. Пустые кабинеты, запах горелой бумаги. Ветром несло пепел и почерневшие обрывки.

Шухевич прошел в угол двора и откинул брезент с легкового автомобиля. Небольшой резвый «Опель Олимпия» стоял тут уже второй день, заправленный под завязку и готовый к дальней дороге.

Роман завел машину, потом отправился открывать ворота, которые захлопнул ветер. Тяжелые створки медленно распахнулись.

Шухевич повернулся к машине и увидел молодую женщину, стоявшую рядом с ней.

– Роман Иосифович, то есть Шука... простите. – Женщина смутилась.

Лицо ее показалось Шухевичу знакомым. Но он первым делом задумался не о том, откуда мог знать эту особу. Одна ли она здесь? Этот вопрос был сейчас жизненно важным. Рука его невольно сама собой дернулась к ремню, на котором висела кобура с пистолетом.

Женщина как будто поняла сомнения начальника штаба и заговорила, понизив голос, быстро и горячо:

– Я Стелла Кренцбах, машинистка из штаба второго батальона. Вы должны меня помнить, Роман Иосифович. Вы когда к нам приехали, я сидела у окна и печатала ваши показания. Вас же тогда допрашивали... простите, расспрашивали о том, откуда вы, с какой целью прибыли, кто может поручиться за вас.

– Да, – сказал Шухевич, отводя руку от кобуры. – Я помню вас. Вы тогда были в сером в елочку костюме и блузе с таким высоким воротником под самый подбородок.

– Нет, – сказала Стелла, робко улыбнулась и поправила что-то под жакетом на животе. – Вы меня с кем-то путаете. Я тогда была в синем платье и блузе с отложным воротником.

Только теперь Шухевич понял, что женщина не беременна и не страдает каким-то видом ожирения. Она просто что-то прячет у себя на животе под юбкой и придерживает руками.

Он еще раз осмотрел эту даму, обратил внимание на ее высокую, немного растрепанную прическу. Непослушные локоны темных волос очень живописно спадали на ее лицо. Женщина щурила карие выразительные глаза.

Быструю проверку она выдержала. Он прекрасно помнил, в каком она была тогда платье.

«Сбить Стеллу с толку мне не удалось. Но вот только зачем она мне здесь нужна? Ясно, что она хочет удрать из Хуста вместе со мной. Ну и что прикажете с ней делать? Пристрелить или просто прогнать, угрожая пистолетом?»

– Видите ли, Роман Иосифович, все в панике кинулись удирать и бросили документы. А я ведь машинистка, у меня был допуск соответствующий, я знаю, что это такое. – С этими словами женщина вывалила из-под юбки прямо на землю, себе под ноги, толстую картонную папку.

Она была плотно обмотана платком и добавляла округлости животу Стеллы, когда та прятала ее под юбкой. Женщина присела и стала лихорадочно разматывать платок, но Шухевич ее остановил.

– Вы с ума сошли! – заявил он. – На все это у нас совершенно нет времени. Что у вас там? Какие бумаги? – Шухевич начал откровенно нервничать.

Он прислушивался к звукам перестрелки, которые становились все ближе. Это отступали разрозненные отряды «Карпатской сечи», до которых не дошел приказ не ввязываться в бой с венгерскими частями и отходить южнее Хуста на соединение с первым батальоном. Сейчас уже не было смысла оказывать сопротивление. Пришло время уносить ноги.

– Понимаете, я посчитала, что это важно. – сказала женщина, стиснула в руках папку, облизала губы, пересохшие от волнения. – Тут бумаги, которые бросили или забыли сотрудники штаба. Секретные приказы они сожгли, часть увезли с собой, а сопроводительные документы к приказам, поступавшим отсюда, из вашего штаба, почему-то оставили. А в них упомянута переписка с Германией и с какими-то разведками. Даже с венгерской. Именно венгерские войска как раз и атакуют нас.

– Быстро в машину, Стелла! – рявкнул Шухевич, когда две шальные пули на излете ударились в кирпичную стену.

Улицы городка были пусты. Многие окна закрыты и завешены плотной материей.

Машина выскочила на окраину и понеслась по шоссе между двумя рядами деревьев, высаженных по обочинам. Стелла устроилась на заднем сиденье, съежилась и нахохлилась, как воробей. Шухевич поглядывал в зеркало на женщину, а заодно и на дорогу позади. Шоссе было пустынным, но все равно долго по нему ехать было нельзя. Надо сворачивать и пробираться дальше на юго-восток сельскими грунтовыми дорогами.

За поворотом показались две легковые машины, стоявшие поперек дороги. Шухевич машинально нажал на тормоз и стал всматриваться вперед. Передние колеса у машин были вывернуты так, будто водители пытались в последний момент свернуть, уйти от столкновения или от пуль. Стекла разбиты выстрелами. Мертвые тела лежали вокруг машин и на обочине. Ровная местность хорошо просматривалась на сотни метров, поэтому предполагать засаду было глупо. Да и сработала она уже, если и была.

– Это наши, – тихо произнесла женщина за спиной Шухевича. – Вон та, задняя машина – из штаба второго батальона. Что там случилось? Венгры?

– Ладно. – Шухевич снова надавил на педаль акселератора. – Теперь уже опасаться нечего. Поехали. Нам надо как можно скорее подальше убраться от города. А то и нас постигнет такая же участь.

Шухевич объезжал трупы, потеки бензина и масла, струящиеся из пробитого мотора машины. Он и его спутница смотрели на результаты недавнего боя. Точнее – бойни. Какие-то люди тут всех просто перебили. Они даже не стали собирать оружие и документацию не забрали, хотя видно, что просмотрели ее, выпотрошили все коробки и папки.

«Это была не просто засада, – догадался Шухевич. – Люди, напавшие на машины, искали в них что-то важное. Не меня ли они тут ждали? Да и что это за персонажи? Кого мне опасаться теперь?»

– Смотрите! – Женщина схватила Шухевича за плечо и показала на человека, лежавшего возле передней машины и слабо шевелившего рукой. – Он ведь живой!

– Мы уже ничем не можем помочь ему, – угрюмо поговорил Шухевич, надавил на педаль газа, и машина начала набирать скорость. – У нас свой важный груз. Нам некогда заниматься ранеными. Этот человек обречен. Мы не сможем довезти его до больницы!

– Откуда вы знаете? – неприязненно спросила Стелла. – А вдруг он легко ранен?

Шухевич не ответил. Он считал, что споры в такой вот критической обстановке просто неуместны. Сейчас его больше волновало то, что недавно произошло здесь, на дороге. А еще светло-бежевый кабриолет, мелькнувший сзади, за деревьями. Такую же машину он мельком видел еще в городе. Она ехала по параллельной улице, когда они выезжали к окраине Хуста. Совпадение? Машина редкая в этих местах, потому что дорогая.

Шухевичу не нравилось сейчас все! Прежде всего это вот нападение, жертвой которого он не стал чудом, только потому, что ненадолго задержался в штабе. Его беспокоили Стелла Кренцбах, сидевшая за его спиной, и неизвестная машина. Она держалась на расстоянии, но за последний час Шухевич видел ее уже второй раз. Все это вместе наводило его на мысль о еще одной засаде, вполне реальной, в которую он запросто мог угодить.

«А вдруг эти убийцы ждали на дороге именно меня? Они специально подсунули мне Стеллу, чтобы следить за моими передвижениями? Нет, я совсем с ума сошел, – подумал Шухевич и попытался взять себя в руки. – Никакой паники, только собранность! Женщина самая обыкновенная. Я ее помню. Ну а машина – случайность. В ней сидит такой же беглец, как и я. Он наверняка украл ее».

Он стиснул зубы и погнал машину вперед, вскоре свернул с шоссе на запад и поехал по грунтовой дороге вдоль берега Тисы. Здесь стали встречаться крестьянские повозки. Местное население спешно перегоняло скот и вывозило ценный домашний скарб на дальние хутора, где их не смогли бы реквизируют ни свои, ни венгерские солдаты.

В небольшой городок Тячев Шухевич въехал уже ближе к вечеру. Стелла дремала на заднем сиденье, свернувшись калачиком и подложив под щеку кулак. Все документы, вывезенные из штаба, лежали вместе на переднем сиденье. В голову Романа снова закралась мысль о том, что надо бы избавиться от этой женщины. Одному проще скрыться, перейти границу с Румынией.

«Нет, все! – остановил себя Шухевич, прислушавшись к доводам разума. – Мне придется ей верить, потому что одному сложно будет выбраться из такой переделки. Женщина – это хорошее прикрытие, вторая пара ушей и глаз. Нам даже ночью будет нельзя спать одновременно. Кто-то должен бодрствовать и не прозевать опасность. А эта машинистка, судя по всему, особа довольно боевая».

– Остановимся в этом отеле, – сказал Шухевич, поворачивая к двухэтажному зданию, построенному из красного кирпича.

– Что? Где мы? – Стелла подняла голову. – Черт побери, я, кажется, уснула.

– Это ничего, – буркнул Шухевич. – Теперь нам так и придется спать – по очереди.

Пожилой портье увидел немецкие марки, а не чешские кроны, и его физиономия сразу расплылась в самой любезной улыбке. Провожая дорогих гостей в номер, портье успел поведать им о том, что в отеле в настоящий момент проживают всего пять постояльцев. Один из них художник, другой – коммерсант, ожидающий прибытия деловых партнеров, третий – промышленник, у которого похитили документы. Он сидел в отеле, ожидал своего юриста с деньгами и временным удостоверением личности. Только непонятно, кто в сложившейся ситуации должен выдавать ему этот документ. Есть еще пара молодоженов, но им, кажется, вообще нисколько не интересно все то, что творится в этом брэнном мире.

Номер был маленьким, но чистым и уютным. Дубовые панели, которыми были отделаны стены, потемнели от времени, зато создавали романтический дух старины.

Шухевич запер дверь, прошелся по номеру, потом отодвинул тяжелую портьеру, встал у окна и проговорил:

– Стелла, я не сплю уже две ночи. Еще немного, и я свалюсь. Вы сможете подежурить у окна? Я прошу вас внимательно прислушиваться ко всему, что происходит за стенами номера. Опасность может подкрасться откуда угодно, в любом виде.

– Да-да! Конечно, Роман Иосифович. – Госпожа Кренцбах кивнула в знак согласия. – Я буду настороже, а вы поспите. Я прекрасно понимаю всю опасность нашего положения.

Шухевич посмотрел женщине в глаза, потом шагнул к большой кровати посреди номера и рухнул на нее, не раздеваясь. Судя по его дыханию, он уснул мгновенно.

Стелла постояла у окна, потом подтащила к нему кресло, извлекла из-под жакета маленький дамский браунинг и уселась.

Солнце постепенно клонилось к горизонту и уходило вправо, за здание гостиницы. Женщина по-прежнему сидела в кресле в напряженной позе и смотрела в одну точку за окном.

Где-то далеко грохотала канонада. Она иногда стихала, но через несколько минут снова слышалась артиллерийская стрельба. Потом за рекой, отчаянно гудя, прошел паровоз. Видимо, без состава.

Это не были звуки войны. Женщина знала, что это такое. Здесь все было гораздо проще. Венгерская армия почти беспрепятственно входила на территорию Чехословакии, которая исчезла с политической карты мира. А мелкие бои, стычки отдельных подразделений – не более чем случайность и наивность их командиров. Так ей казалось на основе всего того, что она увидела и услышала за последние два дня.

Миновало около двух часов, когда где-то неподалеку раздался шум автомобильного мотора. Он тут же исчез, и кругом снова воцарилась тишина.

Стелла чувствовала, что ее стало клонить в сон. Она положила пистолет на колени и решительно потерла лицо руками. Потом женщина поднялась на ноги, решила размяться, немного походить по номеру.

Но стоило ей только встать с кресла, как она сразу же увидела в окне лицо человека. Испуг ее был настолько силен, что женщина вскрикнула и сразу же выстрелила в окно из пистолета. Мужчина, висевший на альпинистской веревке, оттолкнулся ногами от стены, но Стелла все же умудрилась в него попасть, ранить в плечо.

Шухевич вскочил с кровати, когда следом за выстрелом раздался звон оконного стекла. Снаружи кто-то ударил по нему лопатой, и посыпались острые осколки. Роман схватил Стеллу поперек туловища, вместе с ней упал на пол, за кровать и, почти не целясь, трижды выстрелил в окно, по тем людям, которые пытались ворваться через него в гостиничный номер.

– К двери, быстро! – прохрипел он, понимая, что это, скорее всего, уже безнадежно.

Если эти субъекты лезут в окна, то уж двери они наверняка блокировали. Это Шухевич понимал. Просто окно – самый неожиданный и короткий путь в помещение. Не придется попадаться на глаза другим жильцам и персоналу отеля.

«Но кто за мной охотится? Неужели эта самая Стелла Кренцбах все же подставлена мне? Нет, она стреляла в них!»

Эти мысли вихрем пронесли в его голове, когда он выпустил в окно еще несколько пуль и буквально выпихнул в коридор Стеллу, едва успевшую отпереть дверь. Шухевича охватила паника. Она заставила его напрочь забыть и о документах, и о том, что он сам не раз подумывал, как бы избавиться от своей спутницы. Сейчас Романа охватила жажда жить, спастись любой ценой. Эта женщина была для него щитом. Он все еще не был уверен в том, что она не подослана к нему. Если Стелла работала вместе с этими людьми, то они не станут стрелять в нее.

В коридоре Шухевич выстрелил в первого же человека, которого увидел. Тот метнулся в сторону и упал. Но повернуться назад, на шум за спиной, Шухевич не успел. Сначала коротко

вскрикнула Стелла, потом его самого обхватили сильные руки. Крепкий удар по голове заставил сознание Романа помутиться.

Напоследок он увидел нечто весьма странное. Мужчина, в которого Шухевич только что выстрелил, вдруг вскочил с пола. Лицо этого типа показалось Роману знакомым. Он поднял пистолет и навел его на Шухевича. Выстрел вроде бы ударил прямо ему в лицо, но никакой боли от попадания пули, Шухевич не почувствовал.

Он только подумал, что вот и все, конец. Все его потуги занять в этом мире серьезное положение, получить власть над людьми закончились пустым пшиком. Жизнь была прожита слишком быстро и совершенно бездарно.

Он пришел в себя от боли в голове и всем теле. Его сильно трясло, но Шухевич не понимал, что стало причиной такой беды – то ли неровная дорога, то ли страшный озноб. Он опять провалился в тошнотворное бессознательное состояние, а потом почувствовал холод.

Это было приятно. Тело, сведенное судорогой, и онемевшая голова теперь болели меньше. Сквозь темноту пробивались голоса. Мужской Шухевичу был неизвестен, а вот женский явно принадлежал Стелле Кренцбах. Глаза Романа никак не желали открываться, но сознание медленно возвращалось к нему. Все трагические события промелькнули в его памяти.

«Нет, Стеллу называть предательницей, пожалуй, нельзя. Во-первых, она подняла тревогу и точно ранила одного человека, когда выстрелила в него прямо через окно. Ей ведь никто не мешал совершенно спокойно открыть то самое окно или дверь, как угодно, и впустить этих людей. Они без всяких проблем забрали бы документы, а я мог бы и не проснуться. Лежал бы сейчас в пустом номере отеля с головой, простреленной через подушку, или с перерезанным горлом».

– Смотрите, Стелла, он приходит в себя, – сказал мужчина. – Поменяйте ему компресс на голове, а я сейчас сделаю кипяток. Роман Иосифович, как вы себя чувствуете?

Шухевич со стоном поднял веки. Перед ним на корточках сидел тот самый мужчина, в которого он стрелял в коридоре отеля и не попал. Этот же человек вроде бы пальнул потом в самого Шухевича.

«Неужели он тоже промахнулся? Выстрел был направлен точно мне в лицо. Или нет? Непонятно. Одежда на мне мокрая, поверх нее наброшено какое-то одеяло. Лежать неудобно. Что-то впилося в бок. В ноздри лезет запах прелой травы. Вокруг кустарник, низкорослые деревья. Где это мы?»

– Нам удалось уйти и оторваться от преследования, – заявил мужчина, угадав мысли Шухевича. – Мы переправились через Тису, и теперь вокруг нас уже Румыния. Сейчас мы находимся в тихом месте, в лесочке возле дороги. Вот отдохнете, и двинемся на юго-восток. Отсюда совсем недалеко до Кишинева.

– Кишинев? – сказал Шухевич, поморщился от боли в голове и попытался сесть.

Стелла и незнакомец бросились помогать ему, подхватили, подняли и прислонили спиной к стволу дерева.

– Да, лучше будет, если мы отсюда доберемся до Кишинева или до Черновцов. У меня там есть связи. Осмотримся, решим, что делать дальше, передохнем в безопасных условиях, – проговорил мужчина.

– Слушайте, а кто вы такой? – спросил Шухевич, прищурился и пристально глянул на этого человека.

Тот ему понравился. Невысокий, но статный, широкоплечий, с открытым лицом. В мужчине чувствовались сила, незаурядная боевая подготовка, хитрость и быстрота кошки. Как он тогда от пули увернулся! А ведь Шухевич стрелял в него с расстояния нескольких метров.

Было в этом человеке что-то надежное. Перетащить через границу женщину и раненого мужчину – это не так-то просто. Значит, у него есть опыт и в таких делах. Да и умен, это видно по глазам.

Был только один момент, который настораживал и раздражал Шухевича в этом незнакомце. Порода!.. Она чувствовалась в нем сразу. Дворянин, наверняка из офицеров. Такие господа воевать умеют, да вот только беда, они делают это, красиво говоря, в белых перчатках. Уж больно правильные, порядочные.

А на войне, да и в политической борьбе нужно совсем не это. Там кто кому первый глотку перегрызет, тот и наверху окажется, выживет.

– Я Ворон, – просто ответил мужчина. – Называйте меня так. Не будем головы забивать излишними биографическими подробностями. Сейчас у нас другие задачи. Нам надо бы выжить.

– Ворон? – переспросил Шухевич. – Вы были в составе «Карпатской сечи»?

– Вы должны помнить, Роман Иосифович, – проговорила Стелла. – Вы подписывали документы на создание группы Ворона. Туда передавались самые подготовленные бойцы из первого и второго батальонов.

– Так вы и есть тот самый Ворон, который собирался создать подразделение для ведения разведки, диверсионной деятельности и боевых действий в тылу противника?

– Все так, – сказал Ворон без улыбки, кивнул и опустил голову. – Только мы опоздали с реализацией этой идеи. Надо было начинать немного раньше. Тогда мы не позволили бы венгерским войскам так легко пройти по стране. Но, как я теперь понимаю, это было бы только отсрочкой конца. Одним подразделением многого не добьешься. Нужна система, концепция развития вооруженных сил, государственная военная доктрина. А мы успели собрать и вооружить несколько частей.

– Странно, – разглядывая Ворона, проговорил Шухевич. – Почему я вас лично не знаю? Вы должны были обязательно прибыть в штаб для назначения, принять командование.

– Видимо, вы просто не успели меня вызвать для представления и назначения, – сказал Ворон и улыбнулся одними губами. – Венгерские войска так неожиданно перешли границу, что нам сразу пришлось вступить в бой. А вообще-то мою кандидатуру предложил сам Волошин. Он намеревался лично курировать создание этой группы, потому что его политические надежды на поддержку Германии не оправдались. Кстати, вы знаете, кто напал на вас в отеле? Это были офицеры абвера. Документы, которые вы с таким трудом вывезли из штаба, теперь попали в руки немецкой военной разведки.

– Нам пришлось слишком быстро уносить ноги из отеля, – проворчал Шухевич, поглаживая свою больную голову. – Кстати, откуда вам известно, что это был абвер?

Ворон мягко улыбнулся, как будто разговор шел о выборе блюд на вечернем приеме, и проговорил:

– Я узнал одного из нападавших. Это обер-лейтенант Ганс Клее. Я был знаком с ним одно время. Он даже пытался меня вербовать, но потом потерял мой след.

– Теперь, стало быть, он снова напал на него, а заодно и на наш след?

– Отнюдь, Роман Иосифович. Я застрелил Клее там, в отеле. Вам еще показалось, что я пальнул в вас. Да и госпожа Кренцбах проявила себя выше всяких похвал, зацепила двоих. Вообще-то этот самый Клее был пренеприятнейшей личностью, скажу я вам. Мир праху его.

– Слушайте, Ворон, или как вас там еще. Скажите, а почему я вам должен верить?

– Это совершенно необязательно, – заявил тот и пожал плечами. – Если вы мне не верите и считаете, что я должен уйти, то так тому и быть. Только это, извините, паранойя. Документацию вы потеряли, сведениями, полезными немецкой или иной разведке, не располагаете. За вами сейчас не стоит никакой политической или военной силы. К вам незачем подсылать агента. Извините за откровенность, Роман Иосифович. Это я о том, что касается интереса к

вам других личностей и структур. А лично я вижу за вами определенное политическое будущее, верю в ваши связи. Я знаю, что если буду держаться за вас, то смогу занять определенное положение в обществе. Мы с вами не совсем земляки. Вы из Галиции, я из Чернигова. Но мы оба хотим создать свое собственное государство от Сана до Дона, без польских панов, австро-венгерских баронов. И уж конечно, без большевиков.

– Вы монархист? – сухо спросил Шухевич.

– Нет. Я был офицером царской армии, дослужился до поручика, но являюсь сторонником самоопределения наций и лишен имперских амбиций.

– Вы хорошо говорите. – Голос Шухевича немного смягчился. – Просто, но убедительно. Чувствуется, что эти мысли обдуманы вами давно и прочно улеглись в вашей голове. Никакой путаницы. Хорошо. Вы пойдете за мной?

– Пойду, – ответил Ворон, посмотрел в сторону реки и улыбнулся. – Собственно, я уже давно с вами.

Они проехали Тимишоару. Ворон не спал, прислушивался к разговорам попутчиков. Ночной вагон поезда – это особая среда, может быть, даже отдельный мир, замкнутый в себе самом. Тем более что это обычный плацкарт. Здесь едут простые люди. Среди их поклажи вряд ли найдется кожаный чемодан. Узлы, сумки, корзины, а то и просто мешки.

Слова такие же простые, не касающиеся высших философских сфер. Люди говорили о войне, которая уже вот-вот коснется и здешних мест, о погибшем урожае, ценах на окрестных рынках и о том, как и чем лучше кормить детей.

Ворон не знал румынского языка, но здесь, на северо-западе страны, проживало очень много немцев, венгров, поляков и словенцев. Он часто слышал знакомые слова и выражения, постепенно понимая, что обсуждают усталые люди.

Ворон сидел у окна, положив голову на руки. Шухевич спал над ним. Стелла прилегла за его спиной, поджав ноги.

За окном глухая ночь, нигде ни огонька. Только мерный перестук колес. Паровозный дымок, влетающий в окно, щекотал ноздри, навевал воспоминания о былых временах. Ох уж эти поезда, сколько их было в его жизни с самого детства.

В вагоне что-то неуловимо изменилось, и Ворон мгновенно вынырнул из дремотного состояния. Пассажиры шушукались вполголоса, шелестели бумагой. То и дело слышалось слово «документы», в переводе совсем не нуждавшееся.

Ворон осторожно положил ладонь на голову Стеллы. Она открыла глаза, испуганно вздрогнула и попыталась встать. Он прижал палец к своим губам и незаметно покачал головой. Женщина кивнула и стала разглядывать пассажиров.

Ворон поднялся, повернулся лицом к Шухевичу, лежавшему на верхней полке, и убедился в том, что тот уже не спал.

– Что?.. – встревоженно спросил бывший начальник штаба «Карпатской сечи».

– Скоро югославская граница. Пассажиры суетятся. Видимо, контроль там весьма серьезный.

– Черт побери! Что же делать? – пробормотал Шухевич. – Рискнуть? Нас румыны не выпускают. Или югославы ссадят с поезда и передадут в контрразведку. Раньше здесь никогда не было досмотров.

– Раньше все было иначе, – философски заметил Ворон. – Но с тех пор как Лига наций фактически развязала англичанам руки и те запустили их в экономику страны, в Румынии многое поменялось. Война никогда не проходит даром для тех стран, на территории которых она проходит. А насчет югославов я с вами совершенно согласен. Они теперь с настороженностью принимают тех людей, которые едут с этой стороны. Нам придется прыгать.

– Может быть, будут еще остановки, – предположил Шухевич. – Надо справиться у проводника.

– Нет, до самой границы поезд больше не остановится. У нас примерно два часа на принятие решения. Но, извините, оно все равно может быть только одно. Нам надо срочно покинуть поезд. Сделать это лучше, когда мы будем проезжать Забудовский лесной массив. Там железнодорожные пути круто поворачивают, и поезд сбавляет скорость.

– А Стелла?

– Стелла у нас испытанный боец, – с улыбкой проговорил Ворон. – Она справится, я уверен.

Через пятнадцать минут они собрались в тамбуре. Ворон заставил всех проверить карманы, застегнуть их, если есть такая возможность.

Потом он озвучил свой порядок покидания вагона:

– Сначала вы, Роман Иосифович, потом Стелла. Я прыгаю последним.

– Почему так? – сразу же подозрительно спросил Шухевич. – Объясните, почему вам угодно прыгать последним?

– А вы давно в последний раз с поезда на ходу соскакивали? – вопросом на вопрос ответил Ворон и мило улыбнулся. – Я вот часто прыгал, признаюсь. Поэтому уверен, что смогу покинуть вагон сразу после Стеллы. Если с ней что-то случится во время падения, я довольно быстро приду ей на помощь, потому что буду всего в десятке метров от нее. Вы можете замешкаться. Мы окажемся на большом расстоянии друг от друга. А нам нужно как можно быстрее снова собраться и уйти подальше от железной дороги. Не исключено, что здесь, в вагоне, есть агенты румынской службы безопасности. Кто-то из них может заподозрить, что мы не просто вышли в тамбур покурить, а именно спрыгнули с поезда. Это понятно, я надеюсь?

Шухевич спорить не стал, только поиграл желваками и принялся застегивать пиджак на все пуговицы. Стелла буквально смотрела Ворону в рот и кивала при каждом его слове. Женщина была чуть бледна, но держалась хорошо.

Они убедились в том, что по вагону никто не идет в сторону тамбура, все пассажиры спокойно дремлют на своих местах, и открыли дверь. В тамбур ворвался сырой ночной воздух. Мимо подножки проносился кустарник, едва озаренный светом, падающим из окон вагона.

Шухевич спустился на нижнюю ступеньку подножки, придерживая рукой шляпу, нахлобученную по самые уши. Ворон поморщился. Он предупреждал этого господина о том, что ее стоит снять и держать в руке, а еще лучше – сунуть за пазуху. Но спорить с подозрительным и сварливым попутчиком он не хотел.

Шухевич выбрал подходящий момент и прыгнул. Скорость поезда была невелика. Он пробежал несколько шагов вдоль полотна, прежде чем споткнулся и упал в жиденький кустарник, торчавший возле откоса.

Ворон взял Стеллу за плечо и посмотрел ей в глаза, стараясь передать свою уверенность в благополучном исходе их опасного дела. Женщина благодарно улыбнулась и стиснула поручень.

Через миг она с отчаянием в глазах прыгнула с подножки в ночь. Ворон увидел мелькнувшее платье и блузку под распахнувшимся жакетом. Стелла упала сразу, как только ее ноги коснулись земли.

Больше не раздумывая, не медля ни секунды, Ворон прыгнул следом. Наверное, поезд уже начал набирать скорость, или же он немного поторопился, но земля встретила Ворона сильным ударом в ноги и бросила ему под ступни остатки истлевшей шпалы, которую рабочие почему-то не убрали от путей. Падать ему пришлось в темноту и совершенно наугад. Ворон весь сжался в один большой комок упругой плоти, закрыл голову руками, перелетел через кустарник, повалился на бок и прокатился еще несколько метров по склону.

Первая же мысль, которая мелькнула в голове, была такой: «Все цело, ничего не сломал. Хорошо!»

Стеллу он нашел буквально через минуту по тихим стонам в темноте. Поезд унесся вдаль, в сторону границы. Теперь местность освещала только россыпь звезд на небе.

Ворон пригляделся, осторожно подошел к женщине и присел на корточки рядом с ней. Стелла постанывала и держалась за правую ногу то ли в районе колена, то ли выше. Это было плохо.

Ноги при таких падениях обычно ломаются в области щиколотки, иногда не выдерживает берцовая кость, но чтобы выше колена!.. Не дай бог, перелом шейки бедра или сильный вывих тазобедренного сустава. В таких условиях, да еще и ночью! Пока они доберутся до врача или просто жилья, нога распухнет, и нужна будет экстренная хирургическая помощь.

– Что с вами, Стелла? Как вы себя чувствуете? – спросил Ворон. – Сильно болит?

– Да, – прошептала женщина сквозь слезы. – Страшно больно.

– Позвольте мне, – уверенно заявил Ворон, убирая руки Стеллы от ее ноги, за которую она держалась. – Поверьте, я умею.

Ворон задрал подол платья и принялся пальпировать ногу. Он осторожно ощупал женское колено, бедро с внешней стороны, потом перешел на внутреннюю.

Стелла странно притихла, потом он услышал ее страшно напряженный, угрожающий голос:

– Если вы хоть на миг заставите меня усомниться в крайней необходимости того, что сейчас делаете, я ударю вас по голове камнем!

Ворон с удовлетворением убрал руки и постарался не улыбаться, хотя ему сделалось весело от слов Стеллы. Во-первых, она вполне владела собой. Будь у нее по-настоящему серьезные повреждения, ей не было бы никакого дела до его вольностей. Во-вторых, он убедился в том, что боль у нее была только от ушибов и растяжения связок на стопе.

Тут из темноты, как привидение, прихрамывая и шепча ругательства, вынырнул Шухевич и остановился возле своих спутников.

– Ну и что у вас тут? – спросил он неприязненно.

– Стелла ушибла ногу, – после небольшой паузы ответил Ворон. – Пожалуй, она не сможет сама идти. По крайней мере быстро.

Шухевич еле слышно выругался, потом потянул Ворона за рукав в сторону.

Отойдя на несколько шагов от женщины, сидевшей на земле, он заговорил очень тихо, но горячо и энергично:

– Слушай, Ворон, с этим надо кончать. Ты что, не понимаешь, что она нам обуза? Какая от нее польза, зачем она нам? Ты – ладно, опытный боец, офицер с фронтовым опытом, можешь пригодиться. И вообще я тебе обязан тем, что ты мне жизнь спас. А она? Нас с ней ведь быстро возьмут пограничники. Не дури, Ворон, или как там тебя! – В руке Шухевича тускло блеснуло лезвие ножа. – Не можешь сам? Офицерская честь не позволяет так беспардонно обойтись с дамой? Ну и ладно. Я сам все сделаю.

Ворон перехватил руку Шухевича и стиснул запястье с такой силой, что нож мигом вывалился из пальцев и упал к ногам. Мужчины стояли друг против друга и шумно дышали. Шухевич был заметно слабее и быстро сдался.

– Я не «как тебя там», – зло прошипел Ворон в лицо своему противнику. – Михаил Арсеньевич Борович, поручик русской армии, к вашим услугам! Вы совершенно правы. Я действительно знаю, что такое офицерская честь. Если вы считаете, что ваша миссия важнее жизни вот этой женщины, которая готова служить вашим идеалам верой и правдой, то не можете претендовать на роль лидера и вождя. Именно вот такие рядовые идейные исполнители и несут на своих плечах всю тяжесть политической борьбы. Во всех ее проявлениях! – Ворон наконец-то отпустил руку Шухевича, но продолжал стоять прямо перед ним и говорить: – Я не люблю,

когда отцы-командиры разбрасываются жизнями своих людей. Я слишком много убивал на войне и каждый день терял там своих товарищей. Собственную армию надо собирать по крохам, начиная вот с таких рядовых бойцов, как Стелла Кренцбах. Вы должны беречь каждого из таких преданных и способных людей. В противном случае вы со временем останетесь один и погибнете. Хотите вы этого или нет, но я буду тащить женщину на себе столько, сколько надо. Я знаю, куда мы пойдем.

– Ладно, – буркнул Шухевич. – Черт с вами. Вы правы. Но теперь вы мне расскажете, откуда взялись в «Карпатской сечи»!

– Я четыре года сидел в окопах. В четырнадцатом году ушел на фронт вольноопределяющимся. Воевал в Восточной Пруссии, а после ранения – здесь, в Галиции. Последнее звание я получил из рук генерала Брусилова. Потом все рухнуло, не стало армии. Дальнейшая моя судьба как две капли воды похожа на участь тех сотен тысяч офицеров, которые не приняли советскую власть. Если вас интересует моя протекция, то скажу, что я был представлен премьер-министру Волошину Николаем Михайловичем Алексеевым. Это сын генерала Михаила Васильевича Алексеева, основателя Белого движения. Николай Михайлович был участником знаменитого Ледяного похода, прошел всю гражданскую. Идея создания группы Ворона тоже принадлежит ему. Еще какие-то вопросы у вас есть? Может быть, мы оставим их на потом, когда наша спутница, которая нуждается в помощи, будет доставлена к лекарю или просто в человеческие условия?

– Я все еще не доверяю вам, Борович, – заявил Шухевич, покачал головой и с прищуром глянул на Ворона. – Но мне нравится, что у вас есть принципы и вы готовы отстаивать их в любой обстановке. Это может мне пригодиться. Хорошее качество. Ну и что мы делаем дальше?

– Дальше нам надо пересечь железную дорогу и пройти несколько километров на северо-восток. Там есть словенские поселения. Думаю, что нам удастся найти кров и договориться о том, как перебраться через границу. Словенцы ходят туда как к себе домой, навещают родственников. Пограничники смотрят на это сквозь пальцы, да и сами словенцы знают тут все тропки.

Когда Борович вернулся к Стелле, женщина уже стояла на ногах, опираясь спиной на деревянный верстовой столбик.

– Ну, – раздался в темноте ее напряженный голос. – Вы что-то решили?

– Мы... – Борович тихо засмеялся. – Да мы особенно ничего и не решали.

– Вы решили оставить мне жизнь или избавиться от меня?

– Стелла, какие глупости лезут вам в голову! Разве так можно? Я понимаю, что это результат травмы. Ну да ничего, я понесу вас, а вы дайте мне слово, что не будете капризничать. Вы ведь такой же солдат, как и мы с Романом Иосифовичем. Вам тоже не положено стонать и жаловаться.

– Подождите!.. – Женщина потерла лоб рукой. – Нести меня? Куда? Мы ведь сейчас находимся черт знает где.

– Отнюдь, – подходя к ней, с теплом в голосе произнес Борович. – Мы находимся в трех с половиной верстах от деревни Смыслович. Там есть доктор, замечательный седоусый старик-словенец по имени Марко. А у него есть внучка, смышленная девчушка по имени Дарина. Когда-то она была в меня влюблена. Но я тогда был молод и красив. Совсем не то, что сейчас. Устраивайтесь поудобнее! – С этими словами Борович повернулся к женщине спиной и чуть присел, предлагая ей взобраться ему на спину и обхватить его поясницу коленями.

Поразмыслив немного, Стелла так и сделала. Когда она обхватила его за шею руками, он подхватил ее под колени и пошел вниз по насыпи. Шухевич шагал следом.

– Он предлагал убить меня? – спустя некоторое время тихо спросила Стелла в ухо Боровичу.

– Глупости, – лаконично ответил Ворон. – Вы с друзьями, и вам ничего не угрожает.

– Понятно, – заявила женщина. – Умеете вы ответить. Шухевич – личность жесткая, поэтому он и лидер, который всегда добьется своего. А скажите мне, что за роман у вас с Дариной?

– Обычное дело, – ответил Борович. – Красавец офицер, пусть и бывший, которому нет еще и сорока, и девица-фантазерка четырнадцати лет от роду, начитавшаяся романов о красивой любви. Эта особа взяла с меня обещание приехать за ней, когда она повзрослеет.

– И вот вы явитесь к ней с женщиной на закорках?

– В полном соответствии с образом благородного рыцаря, – заявил Борович, встряхивая Стеллу и пытаясь поудобнее посадить ее на своей спине. – Не переживайте так за девчушку. Она в прошлом году вышла замуж.

– А вы очень хорошо знаете эти места. Вы отсюда родом?

– Родом я из Чернигова. Здесь просто воевал, потом заглядывал иногда в эти места просто так, чисто из пустого любопытства.

Глава 3

Ледяной ветер мел жиденькой пылью по стылой земле. Январская оттепель 1940 года сменилась новыми холодами. Теперь над почерневшей землей на ветру мотались черные прутья кустарника, скрипели промерзшие голые стволы осин. Ветер поднимал и разбрасывал по лесу слежавшиеся пласты палых листьев.

Пограничники, укутавшиеся в брезентовые плащ-палатки, лежали на краю оврага. Они морщились, когда прелая замерзшая листва попадала им в лица, но терпели, не издавали ни звука.

Два десятка винтовок смотрели в сторону оврага. Он был извилистый и довольно длинный, тянулся почти на километр через лесной бурелом, потом расширялся и выходил к реке.

Среди старого кустарника, прошлогодних веток и упавших стволов были неплохо замаскированы три ручных пулемета. Пограничники ждали оуновцев.

Информация о том, что банда перейдет кордон и двинется на Шандровец именно сегодня, по этому самому маршруту, в штабе Туровского погранотряда была получена еще вчера утром. Оперативный резерв занял позиции на рассвете, когда с заставы пришло сообщение о том, что оуновцы благополучно пересекли государственную границу СССР.

Они шли осторожно. Восемнадцать человек, все вооружены немецкими автоматами, почти у каждого на ремне кобура с пистолетом, нож в чехле. У многих из брезентовых сумок торчали длинные рукоятки немецких гранат. Имела банда и четыре ручных пулемета.

Эти люди были хорошо вооружены и представляли собой особую опасность. Поэтому в соответствующих кабинетах было принято решение нарушителей уничтожить. Если, конечно, они не захотят сами сдаться после предложения пограничников.

Но опыт показывал, что публика подобного рода, да еще и с таким вооружением, сдаваться не желает и сопротивляется яростно. В состав таких групп, как правило, входили люди, люто ненавидящие советскую власть. Многие из них совершили на территории Советской Украины такие преступления, что были заочно приговорены к смертной казни. Эти головорезы и отщепенцы шли убивать из-за угла, взрывать и уничтожать. Щадить их было не за что. Они были вне закона.

Лежать погранищикам было холодно. Студеный ветер продувал насквозь брезент плащ-палаток, ватные бушлаты, штаны, гимнастерки и зимнее белье. Единственное, что солдаты могли себе позволить, так это медленно сжимать и разжимать пальцы. Руки должны быть теплыми, спуск винтовки – мягким, без рывка. Только тогда пуля попадет в цель.

Наконец-то вся колонна оуновцев втянулась в овраг. Среди кустарника и промерзших деревьев замаячили фигуры людей в теплых куртках, перетянутых ремнями.

– Внимание! – разорвал тишину резкий голос, усиленный рупором. – Говорит заместитель начальника погранотряда майор Тимченко! Всем сложить оружие, поднять руки и идти вперед. Кто сдастся, тому я гарантирую жизнь! Повторяю... – Договорить майор не успел.

Банда мгновенно рассредоточилась по днищу оврага и открыла огонь по склонам, на которых могли скрываться пограничники. Треск автоматов слился с винтовочными выстрелами. Пули взрывали мерзлую землю, подбрасывали ее вместе с лежалыми листьями и мелкими ветками. Деревья гудели в морозном воздухе, когда пули попадали в стволы.

Командир оуновцев понял, что это засада. Он решил, что силы пограничников невелики. Они наверняка прикрывали сразу несколько возможных направлений продвижения группы и, конечно же, предусмотрели тот вариант, что нарушители бросятся назад. Там они сразу же попадут под кинжальный пулеметный огонь. Значит, отходить нельзя, надо прорываться.

Его бойцы падали один за другим. Погранищикам с верхней кромки оврага было удобно выбивать противника, которому толком негде спрятаться.

Тут, снизу, захлебываясь длинными очередями, ударили вверх три ручных пулемета. Оуновцы с истошными угрожающими воплями бросились вперед. Они пытались прорваться к выходу из оврага, сцепиться с пограничниками врукопашную, зубами и ножами проложить дорогу на Украину.

Два ручных пулемета ударили с флангов и сразу скосили несколько человек, находившихся во главе колонны. Бандиты, ошалевшие от свиста пуль, не выдержали и бросились назад в поисках спасения. Они спотыкались о тела убитых и раненых.

Командир, пытавшийся их остановить, рухнул в мокрую листву с простреленной головой. Горячая кровь залила дубовые и кленовые листья, потемневшие за зиму.

Третий пулемет пограничников ударил убегающим оуновцам буквально в лицо, в упор. В овраг полетели гранаты. Через минуту все было кончено.

В тишине, снова опустившейся на промерзший лес, стали слышны стоны раненых, голоса и кашель тех бандитов, которых по счастливой случайности пощадили пули и осколки гранат. Люди кашляли, задыхались в дыму сгоревшей взрывчатки. Кого-то рвало.

То в одном, то в другом месте стали подниматься руки. Остатки банды сдавались на милость победителя.

Борович поправил шарф, чуть сдвинул набок фетровую шляпу и глянул через стекло в зал со столиками. В этой кофейне, расположенной в исторической части Кракова, Стелла часто бывала одна или с парой коллег из своего идеологического департамента. Днем в заведении обычно было пусто. Лишь вечером сюда приходила молодежь и семейные пары послушать музыку, пообщаться. Вот и сейчас Стелла потягивала из маленькой чашечки остывающий кофе и смотрела на улицу, чуть припорошенную снегом, на редких прохожих, прячущих в воротники подбородки.

Войдя в кафе, Борович знаком подозвал кельнера, указал на столик, где сидела одинокая женщина, и распорядился:

– Коньяк, горячий кофе, шоколад!

Немолодой седовласый кельнер открыл было рот, но внешность визитера сразу отмела все сомнения. Это был состоятельный, уважаемый и, конечно же, платежеспособный человек. Дорогое длинное пальто из хорошего довоенного драпа, замшевые перчатки, штиблеты из натуральной кожи на толстой подошве, фетровая шляпа. Да, у этого пана водились деньги. Во внутреннем кармане его пиджака сейчас наверняка лежал тугой бумажник, набитый немецкими марками.

Кельнер кивнул, забросил на согнутый локоть белое полотенце и исчез за дверью. Борович неторопливо двинулся к столику Стеллы.

– Здравствуйте, – тихо сказал он, снимая шляпу. – Вы позволите?

Женщина обернулась, и ее щеки мгновенно вспыхнули.

– Вы? Господи, Михаил Арсеньевич! Да, конечно же... Куда вы запропалились? Я не видела вас и не слышала ничего уже два с лишним месяца. Грешным делом начала было подумывать, что с вами приключилась беда. А расспрашивать у нас о ком-то никак нельзя. Вы и сами это понимаете. Хотя с чего я взяла, что вы в курсе?

Борович небрежно бросил на соседний стул шляпу и перчатки, расстегнул пальто и уселся напротив Стеллы.

Он выслушал ее сбивчивую речь, улыбнулся одними уголками губ и проговорил:

– Нет-нет! Я, конечно же, в курсе, потому как работаю здесь, в центре. Я видел вас несколько раз, но не имел решительно никакой возможности подойти и заговорить. Все ждал, что доведется с вами вот так встретиться, посидеть за чашечкой кофе, вспомнить наши приключения.

Тут появился кельнер с кофейником, двумя свежими чашками белого фарфора, бутылкой коньяка. Он приподнял ее, продемонстрировал клиенту этикетку, заслужил удовлетворительный кивок и начал распорядиться. Кельнер убрал пустую чашку и блюдце, смахнул со стола невидимую пыль и снова быстро сервировал его.

Стелла смотрела на ловкие руки кельнера, на то, как он разливал коньяк в маленькие синие рюмки, наполнял горячим кофе чашки.

Заговорила женщина только тогда, когда кельнер пожелал дорогим гостям приятного отдыха и удалился.

– Вы все такой же, Борович! Самый настоящий волшебник! Появились, очаровали, смутили.

– Пустое, – сказал Борович, улыбнулся, поднял рюмку и предложил: – Давайте выпьем за встречу.

Они пригубили коньяк.

Потом Стелла снова взяла в руки чашку и стала катать ее между ладонями, как будто нервно грела замерзшие руки.

– Мне кажется, Михаил Арсеньевич, что расспрашивать вас про ваши дела совершенно бесполезно, – заявила она. – Вы все равно ничего не расскажете. Понимаю, у нашего центра сейчас много задач. Разглашение сродни преступлению, предательству. Но я уверена, что вы находитесь при важном и серьезном деле. А я, как и посоветовал мне Роман Иосифович, занялась пропагандой и идеологией. Кстати, вы с ним видите?

– Да, довольно часто. Разумеется, по работе.

– А я часто вспоминаю наш побег. Вы ведь нас тогда спасли, всех на себе вытащили.

Борович сидел, с легкой улыбкой смотрел на женщину и попивал кофе.

Да, он тоже часто вспоминал эти события. Михаил тогда сильно рисковал, спасая Стеллу от Шухевича, настроенного весьма решительно. Ведь тот обязательно убил бы ее, постарался бы избавиться от балласта, который мешал ему быстро исчезнуть в приграничном районе Румынии и благополучно перебраться в Югославию.

Шухевич часто был сварлив и раздражен, но никогда не являлся злопамятным. Он всегда четко исходил из своего представления о том, нужен ему этот человек или нет.

Борович был необходим Шухевичу. Он не раз доказал свою полезность. Так было во время побега из Карпатской Украины, да и потом, когда они сидели в Югославии. Именно Борович убедил Шухевича перебраться в Краков, к Степану Бандере.

В Югославии у Шухевича нашелся то ли дядя, то ли еще какая-то седьмая вода на киселе. Особых родственных чувств Борович тогда между ними не заметил, но кров над головой у них появился.

Стелла быстро устроилась на работу. Оказалось, что она прекрасно знает немецкий язык и может на нем печатать. Ее взяли машинисткой в управление железной дороги с приличным для такой должности содержанием.

Борович попробовал поработать таксистом, потом попал в гараж, где руководил ремонтом потрепанного автопарка. Он довольно быстро сошелся с руководством, отменно наладил работу диспетчерской службы и вообще стал незаменимым человеком в гараже.

Шухевич постоянно писал какие-то письма, слал телеграммы, дважды телефонировал куда-то в другой город. Все это время он с неудовольствием требовал у Боровича денег на свою деятельность.

Михаилу не удалось узнать, куда и кому писал Шухевич, какие он налаживал контакты. Но судя по всему, тот мало чего добился. Сухопарый и стройный Шухевич теперь как-то сгорбился, черты его лица заострились, а губы превратились в тонкую упрямую складку.

Борович тогда голову сломал, размышляя, как ему убедить Шухевича перебраться именно в Краков, намекнуть, что там, а не где-то еще находится самый энергичный и перспективный националистический центр, работающий против Советского Союза. Надо было как-то подать Шухевичу идею о том, что именно в этом движении он найдет себя, свое место героя и освободителя Украины.

Шухевич клюнул осенью 1939 года. Правда, он долго интересовался, откуда у Ворона появились такие сведения. Боровичу снова пришлось сослаться на свои мифические контакты с Николаем Михайловичем Алексеевым, который здесь, в Югославии, служил по военному ведомству и владел информацией по делам своей родной страны.

И вот задание выполнено. Борович в Кракове, в центре, возглавляемом Бандерой. Здесь активно готовятся диверсионные группы для засылки на территорию Советской Украины.

Более того, именно с подачи Шухевича Ворон был взят на инструкторскую работу. Теперь он сам готовил подобные группы, обучал оуновцев различным способам ведения диверсионной работы, разведки, выживанию вне населенных пунктов, владению оружием, тактике скоротечных огневых контактов. Борович много знал и умел. У него был немалый фронтовой опыт.

Москва ставила ему одну задачу за другой. По приказам, поступавшим с Лубянки, Борович все лучше понимал, что ситуация в Европе накаляется. Несмотря на пакты, подписываемые между разными странами, демонстративную дружбу между ними, в том числе и СССР с Германией, в мире творилось нечто не особенно логичное. Германии была отдана Чехословакия. Она под смешным предлогом напала на Польшу.

Борович все чаще задумывался над тем, что дальнейшие аппетиты Гитлера будут направлены именно на восток. Абвер без всякого стеснения курировал деятельность школ по подготовке диверсантов ОУН. Германия почти открыто поддерживала идею создания украинского государства без Советского Союза.

И вот теперь пришел еще один приказ из Москвы. Борович должен был получить доступ к департаменту идеологии и пропаганды, понять методику работы данного подразделения, выявить основные направления его деятельности.

Чтобы победить врага, надо знать его оружие. Нужно раскрыть людям глаза, доходчиво объяснить им, что нет и не может быть никакой этнической или иной розни между братскими народами СССР. Есть только происки международного империализма и фашизма, которые хотят ослабить мощь советской страны, посорить ее народы между собой, завладеть несметными богатствами и мирными достижениями.

Борович откровенно обрадовался такому заданию. Значит, у него будет вполне легальная с точки зрения задания Москвы возможность восстановить отношения со Стеллой Кренцбах, чертовски милой женщиной, незаурядной во всех отношениях. Самой большой печалью Боровича оказалось то обстоятельство, что Стелла настроена была крайне антисоветски. Переубедить ее, перевоспитать, открыть глаза на реальную действительность? А удастся ли? И не навредит ли это ему самому, не сорвет ли выполнение основного задания?

Сейчас думать об этом ему не хотелось. Он сидел, слушал женщину, смотрел в ее лицо. Ему было хорошо и уютно. Она ведь искренне обрадовалась при встрече с ним, искала его, ждала.

Вчера Борович получил шифровку из Москвы. В ней говорилось, что Стелла Кренцбах — это псевдоним, который женщина взяла себе во времена подпольной работы, да так и сохранила его как основное имя. На самом деле она урожденная Ольга Новицкая. Ее отец преподавал до 1939 года во Львове, в коммерческом училище.

Ну и как теперь, зная настоящее имя этой очаровательницы, не проговориться и не назвать ее Ольгой. Такое милое, тихое и спокойное имя. Ей совершенно не к лицу быть Стеллой.

– Черт бы его побрал! – вдруг тихо, но злобно проговорила женщина и опустила голову.

Борович глянул в окно и поморщился. Снаружи у высокого большого окна стоял и глумливо улыбался Петро Агафьев. Лоснящееся красное лицо, постоянно мокрые толстые губы и сдвинутая на левое ухо шапка с меховой опушкой были слишком хорошо знакомы Боровичу.

Агафьев тоже занимался подготовкой ударных групп, как он любил их называть. Этот тип очень недолюбливал Боровича. За что, откуда пошла эта неприязнь, понять было не так уж и сложно.

Агафьеву ненавистно было все интеллигентное, по-настоящему культурное. Этот громила с мясистым лицом был по натуре садистом. В его группах был самый высокий процент травматизма. Он набирал к себе людей с точно такими же садистскими наклонностями, склонных к немотивированному убийству.

Но вот откуда его знала Стелла?

Агафьев исчез. Тут же хлопнула входная дверь, звякнул колокольчик, слышались тяжелые мужские шаги.

Борович не оборачивался. Он видел, как помрачнело лицо Стеллы.

– Вы как голубки тут сидите! – с глумливым смешком произнес Агафьев, подходя к столу.

«Если он сейчас сядет на мою шляпу, то я его ударю», – подумал Борович.

Он повернул голову к этому типу и вопросительно посмотрел на него. Однако Агафьев вовсе не собирался объяснять своего поведения. Он, кажется, был основательно навеселе.

– Ничего, если я нарушу ваш тет-а-тет? – спросил этот поганец, пододвинул свободный стул от соседнего столика, уселся на него и сложил красные волосатые руки на животе.

– Вы даже не дождались положительного ответа дамы, Петр Тимофеевич, – напомнил ему Борович. – Возможно, ваше присутствие здесь кажется ей несколько неуместным.

– Ну точно голубки, – развязно проговорил Агафьев и глумливо ухмыльнулся. – Я-то все ночи не сплю, думаю, чего это госпожа Кренцбах от меня свой носик воротит. А причина вот сидит, рядом. Во всей красе. Наш белогвардейский офицерик за ней ухаживает, оказывается. За веру, царя и отечество, значит, кровь на полях Галиции проливал, а теперь проникся идеями свободной Украины?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.